

ОЛЬГА ОЗАРОВСКАЯ

МАХОНЬКА

В 1915 году

Старая нищенка, Марья Дмитриевна Кривополенова, так сердечно угощала меня теплыми, только что поданными в городе шанежками (шаньга — лепешка), что я незаметно для себя съела заветные три куска.

И вышло счастье. Для нас обеих.

Нельзя было не полюбить бабушку с первой встречи. А когда рассыпала она передо мной и моими спутниками свой старинный словесный жемчуг, ясно увидели мы, что перед нами настоящая артистка.

— Бабушка, поедем в Москву?

— Поедем!

Храбрая, как артист! Односельчане руками всплескивали:

— Куда ты, бабка? Ведь помрешь?

— А не велико у бабушки и костье, найдется ле где место его закопать!

И поехала бабушка со мной в Москву. А в Москве не одной мне, а многим тысячам показала, какая она артистка.

Маленькая, сухонькая — а дыханье, как у заправского певца!

Три зуба во рту — а произношенье четкое на диво!

72 года, а огня, жизни на зависть молодым!

И не поразили ее чудеса большого города. Трамвай, автомобили, магазины с невиданными товарами — все это скользнуло, не задев души лесной бабушки. Но ее артистическая душа жадно впитала в себя тот дух старины, которым веет от Москвы для всякого художника. Бабушка здесь в Москве получила оправдание своим песням, и по той огромной радости, с которой она говорила об этом, можно заключить, как дороги были ей ее песни.

Подумайте: всю жизнь пела о каменной Москве, об Иване Грозном, о Марье Демрюковне, — и здесь все нашлось:

— Уж, правда, каменная Москва: дома каменные, земля каменная... Ивана Грозного своими глазами видела (т. е. портрет), знаю уж, что не врака, а был же, бывало!

Ехать в Замоскворечье — значит, ехать к Скарлютке (к дому Малюты Скуратова); Каменный мост — стал «калиновым мостом»...

Но и сама Москва ответила любовью на бабушкину радость. Все, кто бывал на ее выступлениях, помнят то удивительное восхищение, с каким толпа смотрела на бабушку.

В Петрограде, где бабушка провела две недели, был такой же прием. В газетах о ней писали восторженные, огромные статьи.

Обе столицы обеспечили бабушке старость, и бабушка уехала на родину, после трехмесячного пребывания здесь, осыпанная подарками, богатая и напоенная славой и радостью.

А в Архангельске газеты «чли» купцы именитые, в кою пору старушку бездомную на кухне пригревали, теперь хвалятся знакомством, ждут бабушку Кривополенову: на вокзал через двинский лед сани парные выслали...

— Ах, недаром сердце на родину рвалось. Почет-то, почет какой! Губернатор за ручку поздоровался и чай пить к себе в гости пригласил.

На вечере бабушка сама про свои быliny лекцию прочитала (наслушалась в Москве, наострилась), к общему восторгу своих почитателей. Родственники объявились. Какой-

то племянничек стал «тетой» называть. Как довелся племянником, не поняла, а одеялышко байковое пришлось подарить. Скоро бабушка промотает свое богатство, да что сравнится с великой радостью давать того, кто всю жизнь просил!

Распростившись с Архангельском, покатила бабушка по зимним путям вверх по Двине и Пинеге «с провожатым и с колоколом», — губернатор уж такую «гумагу» дал: ехать бабушке как чиновнику.

В городе Пинеге хозяйка того домика, где бабушка с «московкой» встретилась, с наказом строгим ждала бабушкины деньги в банк положить. Банковские чиновники просят бабушку былины спеть, а бабушка вдруг возгордилась: «Как сиротиной ходила-пела — не слушали, а как деньги вкладываю, — любопытно стало. Недосуг петь, домой попадать надо». Так и не спела; пристыдила чиновников и укатила дальше в верховье.

А дома-то! Вся деревня скопилась 20 сарафанов внучиных смотреть; бабушка направо, налево дарит, деньги взаймы дает.

Пошли разговоры, как лучше бабушкину старость припокоить; соседи предлагают полдома у них купить, с внучатами уйти от зятя, зять предлагает верх для бабушки срубить, у него жить, если бабушка коня ему купит. Что лучше — неизвестно, а поговорить обо всем приятно.

И никто бабушке не завидует, все рады за нее, никто никогда на нее обиды не держал.

В 1916 году

Почетно и сладко жить дома, а старины петь и видеть восторг толпы еще слаще. И бабушка написала в Москву, что, если «надомно», так она и сама прикатит. И прикатила великим постом в Москву. И покатила полуночная бабушка на полдень на Украину, на Кавказ.

Как-то там воспримут северную старину? Приняли по-хорошему, по-теплому, по-солнечному.

Проведали харьковские гимназисты, что бабушка до сладенького охотница, и поднесли ей полпуда конфет, на улицу высыпали провожать, трамваи остановили, шапками закидали. В Епархиальном училище поповны в такое буйство пришли, что бабушку на стул посадили и над головами, через все закоулки и переходы, по всему зданию пронесли.

Бабушка потом обобщала: «В Харькове ни на лошады не ездил, ни ногами не хаживала: носком носили».

В Екатеринодаре, в скромной комнатке, несколько человек после бабушкиного выступления за самоварчиком засились. Земляк бабушкин отыскался, жадно слушает потрясающую горькую повесть бабушкиной молодости.

Земляк в золотых очках.

Много страданий приняла Махонька за свой малый рост, надрывалась за работой, чтоб бессильем не укоряли; замуж выйти не надеялась. А вот взял же.

Хоть бедна, бедна, а приданое себе справила: полны «яшнички окованные» самодельного да самотканого. Муж от венца молодку в Вологодскую губернию на заработки увез, а через год бросил без копейки. Надо домой за 700 верст пешой попадать с младенцем у груди. Думалось, гадалось, желалось с мужем жить в совете да любви, а пришлось позор какой принять. Только бы домой добраться, там тихо, покойно с ребенчком заживу: в доме хозяйство заведено. Пришла — сердце захолонуло: в доме оконницы вынуты, сундуки взломаны, — злодей раньше поспел, все пропил. Дыра, а не дом. И пошло, и пошло...

А поутру в бабушкиной комнате застаю: земляк в золотых очках к бабушкиной груди припал и всхлипывает: рассказал, как любимая над его молодостью надругалась, а бабушка голову гладит, утешает, как малого. Земляк бабушкиному внуку серебряные часы послал. Бабушка слезы его по сию пору луше часов помнит.

В Пинеге расстались мы с бабушкой. Два месяца уж не видимся. С Ильина дня дожди пошли, и две недели льют без перерыву, словно второй потоп начинается.

М. Д. Кривополенова.

Вдруг дверь распахивается, и бабушка мокрешенька, как из воды вылезла, а под мышкой труба картонная, вот и весь багаж.

— Вот и бабушка! И с медалью!

Из трубы вытряхивается на стол медаль, а потом диплом выцарапывается.

«От Императорского Географического общества за полезные научные труды».

Как пришла эдакая посылка — трубка из Петербурга, так и стала бабушка с трубой под мышкой к обедне ходить: «Грамотным гумагу показываю, а которы неграмотны, тем медаль».

(Позднее медаль затерялась, а на «гумаге» пирог испекли.)

Однажды после обедни услышала, что мужик один срядился в Пинегу ехать, бабушка и села к нему в лодку, в чем была, без хлеба, и за трое суток вымокла до ниточки.

Бабушка за мной приехала: надо рассудить, покупать или не покупать ей дом. Вода пришла от дождей, и на днях вверх пароход пойдет. Поехали.

В своей округе бабушка пользуется огромным почетом и весом, и я купаюсь в лучах ее славы. Теперь она меня взяла под свою опеку.

Хорошо бы бабушке своим домком зажить, но условия продажи неподходящие, да и своего хозяйства ей не поднять: внуки еще малосильны. Приходится оставаться у зятя. Если будет бережлива и расчетлива, если сумеет извлекать

выгоду из людских отношений, то проживет до гроба припеваючи.

Но можно ли ждать того от бабушки, от артистки, от широкой натуры!

«Проведет свое богасьво, обязательно проведет! Опять будет кусочки просить!» — твердят кругом.

Ну что же? Суждено жить и умереть нищенкой, а если ворвалась в ее жизнь великолепная страница роскоши и славы, то зачем печалиться, что нельзя удержать ее навеки?

Впрочем, отгостив у бабушки, расстаюсь в надежде, что если придется туго, то сможет к любому богатому москвичу в гости пожаловать на остаток дней. Примет и за честь сочтет.

Но русская история судила иное.

Осенью 17-го года бабушка приехала на свиданье со мной в Пинегу, а в 18-м году нас разделил фронт.

А что же вышло из работы Коненкова?

Художник не ограничился портретным бюстом, а к Рождеству 16-го года вырезал из дерева чудесную «Вещую старушку» — М. Д. Кривополенову с узелком в руках, словно слушающую нездешние голоса.

И вот сама природа захотела вмешаться в сказку этой жизни и лишний раз показать, что она сама охотница до сказок и чудес.

На готовой уже скульптуре в мастерской художника выросли три великолепных гриба, победно и таинственно осенивших голову «вещей старушки»: два на темени и один на плече.

Сняв фотографию с этой сказки, художник срезал эти грибы и записывал их на память.

В 1921 году

Бабушке у зятя в Веегорах житья не стало. Высосали все средства у нее, и стала бабка не годна: ступай куда хошь! Бабушка отправилась в свою природную волость.

Там фронт. Красные вот-вот придут. Бабушку за-ради Христа хозяйка в большой дом зовет ночевать: «Боюсь одна, тошнехонько!» — «А мужики твои где?» — «В погребки сидят, попрятались». — «Да што они безумничают? Ведь найдут в погребки их, убьют!»

И пошла храбрая крохотная старушечка по деревне мужиков из погребов вытаскивать: «Хто убьет, как вы в своем доме? А из погреба выташат, озлятся, убьют!»

Разгадала фронтовую психику. Красные пришли, никого не тронули в домах, а запрятавшихся арестовали.

Бабушка пошла к красному «начальсву» былины петь. Красноармейцы кое-кто признали бабушку, начальник отряда знакомцем оказался, дал бабушке белую ковригу. Бабушка вечером походить собралась. «Не ходи, бабка, застрелят. Военное положение!» — «Да хто в старуху стрелять будет? Ничего не боюсь, пойду».

И пошла, белую ковригу арестованным отдала.

Красные, белые? С какой это стати Иван Семенов — красный, а Петр Семенов — белый, когда они для бабушки — Ваня да Петя — Семена дети.

Бабушка зимою 20-го года в чужом доме жила, с детьми водилась. Вдруг наехал незнаемый человек, расспросил, как и что, былины прослушал, уехал, и после того пенсия пошла, паек, одежду выдали, а по весны красные телеграмма в исполкоме получена: если бабушка согласна, пусть в Москву едет, и подписана наркомом А. Луначарским.

Старики знакомые умом пораскинули и смекнули: в Москве старые порядки хотят устанавливать и старых людей вызывают для совета: «поезжай, бабка, бывает поможешь на-щот старых порядков».

И поехала бабушка русское государство устраивать. Сказка продолжается. Опять бабушке кругом почет.

В Архангельске на вечере устроители на сарафан шелковый и на парчовую шубейку поднесли.

В Москву, правда, бабушка не для государственных дел, а для этнографов понадобилась, но бабушка живет в сказке.

И снова 78-летняя Золушка перед своим принцем — публикой в зале Московской консерватории, и принц рвется к ней, влюбленный.

Бабушка выступала со своими старинами в Москве, Петрограде, Твери, Саратове, Харькове, Ростове, Новочеркасске, Таганроге, Екатеринодаре (Краснодаре), Вологде, Архангельске для широкой публики 25 раз, в научных и литературных кругах 10 раз и до 100 раз для учащихся.

Как не растерялась старая нищенка перед лицом тысячной толпы?

Это тайна артистической власти. Пусть она неграмотная нищенка, а в первых рядах сидят знатные, богатые, ученые, но бабушка властвует над ними, потому что в эту минуту чувствует себя и богаче, и учнее всех слушателей. Она поет «Небылицу», эту пустую, забавную чепуху, и так властно приказывает всем дотягивать, что тысячная толпа, забыв свой возраст и положение, в это мгновение полна одним желанием: угодить лесной старушонке. Обаяние ее личности, твердой, светлой и радостной, выкованной дивным севером, отражается в ее исполнении, и так понятен возглас толпы, одинаковый во всех городах: «Спасибо, бабушка!» Так понятно желание тысячи человек пожать старую, сморщенную руку, всю жизнь горестно протягивавшуюся за подаянием, пожать с чувством любви и уважения к бабушке как к образу нашего народа.

1922 г.

Публикация ВИКТОРА КАЛУГИНА

М. Д. Кривополенова. 1921 г.
Последняя фотография.